

НЕДОБИТЫЕ

66 лет назад, в 1959 году, в Мюнхене, подкараулив жертву в тёмном подъезде, агент КГБ Богдан Сташинский убил Степана Бандеру (р. 1906), руководителя Организации украинских националистов (ОУН). Сташинского наградили орденом Красного Знамени — «За успешное выполнение особо важного задания правительства». Однако летом 1961 года Сташинский перебежал на Запад, где сенсационным образом признался в совершённых терактах (а ликвидировал он не только Бандеру).
(Из газет).

Глава 1 «ПЕЧАТАЙ, МАГДА, ПЕЧАТАЙ»

ЗАПАДНАЯ УКРАИНА... Трудные, очень разные земли: и предгорные участки, и типичное увлажнённое полесье. Небо, как сито, через которое часто моросит, а то и стеной льёт дождь. Неудивительно, что отходничество тут бытовало испокон века. К тому, что даёт земля, нужен постоянный дополнительный приработок, иначе семью не прокормишь, как ни старайся.

Вот и уходили отсюда на сторону зарабатывать гроши родители Магды Барвенчук. А потом вернулись, переселились к дедушке Магды, на лесную заимку, там и стали жить. Отца приняли на работу лесником, мама во всём помогала ему, а дочка осваивала лес, считая его родным и знакомым.

Родители, оба малограмотные, как только могли поощряли желание донечки учиться. И ласковая Магда старалась дома, старалась в школе. Никогда не думала она, что учившийся с ней в одной школе, только на три класса старше, Савватий Фецюк вырастет в первые же дни войны в законченного бандиту Савку.

Доводилось видеть Магде, как в селе Добровляны стрелял этот самовлюблённый ученик в босого, стоявшего перед ним без шапки деда, вся вина которого заключалась только в том, что он избирался депутатом при Советах. Страшное, перекошенное от злости было тогда лицо у Фецюка. Она неделю избегала даже встречаться с ним на одной дороге. А он, чуя боязнь и презрение девушки, как нарочно, бесшумно вырастал перед ней на ближних и дальних подступах к лагерю. И ухмылялся, и говорил какие-то обидные слова, чтобы зажечь в ней откровенное неприятие своей персоны, а потом поизмываться и над этим. Магда опускала глаза долгу, молчала.

Проклятый Богом и людьми Савка здесь, в Чёрном лесу, убил потом бывшего работника милиции, а следом — бывшего служащего то ли сберкассы, то ли банка и его беременную жену, которая, закатываясь до посинения, кричала и молила, чтобы не вводили боевики её несчастного мужа от троих детей.

Рассказывала Магде повариха боёвки и про то, что Савка с благословения главаря банды Ярога изнасиловал в сарае при гогочущих соратниках батрачку Ольгу Сенич. А потом задушил бедняжку её же халатом. Ярослав Ярый, пьяный в дым, обнимая Савку, кричал: «Орёл! Такому впору не четой и не сотней, а целым куренем командовать!» Люто ненавидит Савка Советскую власть и всё с ней связанное. Исходит злостью на большевиков за то, что партизанские пули настигли в Беловежской пушке его отца и старшего брата, вместе служивших в «Нахтигале». Нашли старшие Фецюки вечный приют в болотах измороженной немцами, но не сдающейся на милость врага Белоруссии.

«Ничего, ничего, — хмурится и так никогда не улыбающийся Савка, — ваш младший сын и брат отомстит за вас, никому не будет пощады».

Слово своё Савватий держать умеет. Боевики недавно видели, как скупой на похвалу референт Калушского окружного провода, кивая в сторону Савки, хлопал по плечу при большом стечении народа дружбе провидника, приговаривая: «Ярый людей подбирать умеет, за то и ценим!»

Ни Ярый, ни его боевики Магду пальцем не трогали. Хотя ни про кого не скажешь, что они не охочи до «малинки». Ого, только дай им, наглым и алчным, повод. Сколько женских и девичьих слёз пролито после надругательств этих клятых «чёрных чертей» над беззащитными жёнами и дочерьми, не счесть...

Магду Ярый взял к себе в боёвку как машинистку для печатания под копирку протоколов допросов. Сначала, на устный вызов Ярога, переданный через посыльного, девушка ответила отказом, сославшись на то, что скоро уезжает во Львов. Это было утром. А вечером дома она обнаружила у себя на столе неизвестно когда и кем оставленную записку: «Магда! Жду тебя завтра утром. Не придёшь — хуже будет». И подпись: «Ярый».

Этим злым именем матери и вправду пугали своих детей, сразу утихомиривая даже самых непоседливых. Вечерами, кивая на тёмные окошки хаты и произнося имя бандита полушёпотом, они приучали засыпать и отчаянно кричащих младенцев, чующих в тревожных голосах матерей безотказно действующие на них, несмышлёнышей, нотки.

С горькими слезами провожала Магду из дома всю ночь проплакавшая, не сомкнувшая и на йоту глаз обессиленная, сразу постаревшая матуся... Стараясь изо всех сил крепиться и не подавать виду, печально глядел дочери вслед такой добрый, всегда казавшийся самым сильным из всех людей на свете, отец...

— На машинке хорошо печатаешь? — глядя поверх головы Магды, чтобы сразу не испугать её взглядом своих колючих буркал, спросил при первой встрече нахмуренный Ярый.

Магда печатала у отца в лесничестве два месяца отчёты и другие бумаги, знает шрифт и как делать на листе бумаги разделительные графы — колонки.

— Будешь у меня машинисткой, — жёстко приказал Ярый. — Приказы выполнять только мои. И чтобы ни с кем здесь хвостом не крутила. Ясно?

Он ничего больше говорить не стал, хлопнул тонким ивовым хлыстиком по сапогам и ушел прочь. За него договорил красноречивый вид стоящих поодаль от штаба-сарая лесных братьев, нагло ощерившихся, привалившихся друг к другу с разномастным оружием в руках.

Магда — слабенькая машинистка, печатает медленно, с пропусками букв, ошибками. Не научится она никак располагать текст вопроса с выделениями — ровно и чётко, как выглядит он на солидных документах окружной референтуры. Но ей это пока прощается. Как прощается самому Ярому — референту районной СБ (службы безопасности) — то, что, строго говоря, машинистка ему не полагается по штату. Для этого нужно быть рангом выше. Но,

учитывая особые заслуги самой активной боёвки «Чёрные черти», начальство закрывает глаза на отступление от правил. А подчинённые умеют ценить проявляемое к ним снисхождение и отвечают на благорасположение шефов удвоенным усердием.

Постоянно замечал Ярый, как вздрагивает и напрыгается девушка всякий раз, когда он подсаживается к ней поближе для диктовки протоколов. Приятная волна удовлетворения окатывает тридцатилетнего Ярослава. Страх — лучшее средство твёрдого воспитания, — внушали ему в своё время наставники. Это убеждение он принял как кровное и передаёт теперь его всем своим хлопцам — розбишакам. Страх и только страх нужно внушать к своей персоне где только можно и кому только можно. Все должны бояться! Даже родной отец каждый раз по приезде сына домой называет его не иначе как пан Ярослав. Люди, встречающиеся на сельской улице, независимо от возраста, первыми низко раскланиваются с ним. Но редко кто дожждётся ответного кивка вельможного пана. Гетман!

Одни лишь немцы мало считаются с важной персоной Ярослава. Щедрые они только на слова, тряся их маме! Когда с воем и грохотом ворвались на танках, рогатых мотоциклах, самоходках в его округ, в знак благодарности за работу подсадной уткой в Краковском гестапо дали в награду всего лишь книжный магазин в Галиче. Чтоб им, жлобам поганым, скаредам, удавиться этим подарком и такой «щедрой» должностью! О ней ли, этой паскудной торговой службе, мечтал с юных лет тщеславный, как Наполеон, Ярослав Ярый.

Никак недооценивало его начальство. Как ни старался — не складывался большой пост. Перед войной был мелким конторским служащим в бухгалтерии, где смог почерпнуть лишь дотошность в отчётах и педантизм к бумагам. Не лучше чувствовал себя и позже, работая техником в поветовом дорожном управлении. Это уж немцы назначили как-никак, но директором.

Нет, всё же невезение началось с Кракова, куда он бежал вместе с Луцким за два года до войны и где им обоим выше провокаторских мест в тюремных камерах никаких должностей не предлагали. Вернулся Ярослав на Станиславщину с приходом режима рейха. Стал референтом подрайонной боёвки, самой низкой единицы в структуре СБ. Что это для него, Ярого, залившего большевистской кровью не то что утлую камеру, а целый подвал Краковского гестапо?

Только недавно в окружном проводе начальство намекнуло, что имеет в виду назначить его комендантом надрайонной боёвки. Ох, скорее бы! Это ведь означает уже двадцать постоянных боевкарей в подчинении, да плюс свои информаторы, да плюс разовые боевики, призываемые из сёл при прове-

дении крупных операций, да плюс ещё связь с границей... Словом, заполняй анкеты и дуй до горы, пан Ярослав, шлях бы трафил всех врагов нашей святой, единой и неделимой соборной Украины!

А врагам неньки-Украины — в первую очередь большевикам, красноармейцам, евреям, полякам — Ярый ещё покажет, как свой гонор проявлять! Правильную директиву прислали вчера из округа для распространения в боёвках и, как листовки, в сёлах. Грамотные люди работают у нас в идеологии! Кого оставят спокойными эти строки: «Поляки не жалеют слов обиды на украинцев, применяют шовинистические выступления против украинцев, ждут прихода большевиков как единственного спасения. Отомстим же им, братья!»

Ярый хорошо знает, как с помощью этой бумажки можно сыграть на чувствах своих сподвижников, не признающих никакие иные, кроме своих, нации. Переключив мысли на поляков, Ярый вновь озабоченно хмурится: уж сколько времени ходят слухи, что где-то скрываются шпионы — супруги Завадские — с кучей детей, доходят эти слухи до окружного провода, а он никак не может выловить этих гадов с выродками. Надо было, наверное, подождать на прошлой неделе с допросом директора школы, поторопились списать его в расход. Чуть бы нажать на жалость, глядишь, и признался бы старый хрен, где скрываются эти Завадские. Схитрил директор, схитрил. Но, чёрт возьми, кто они, мои земляки, которые и под угрозой лютой кары берутся прятать в своих хатах польское семейство? Значит, мало мы ещё нагоняем страха, если есть даже одна семья укрывателей. Не должно их быть ни одной, по крайней мере, там, где царят «чёрные черти».

«Нет, всё равно будет по-моему, — зло тискает пальцы Ярый. — Перекрою в лесу все кордоны, а найду беглецов. Никому тогда не поздоровится, все своё получают. В любом возрасте пособников полячишек за ноги и — на смереку! Да повыше их, сволочей, повыше, чтобы издали было видно, как мстят боевкари врагам самостийной и неделимой Украины!»

Легко заводится Ярослав, когда приходят такие мысли. Вот и сейчас, не в силах скрыть желчного раздражения, он вскакивает из-за стола, за которым только что читал указания, присланные проводом. Бормоча ругательства себе под нос, бегают взад-вперёд по сумрачному сараю, любимому своему пристанищу, нахлёстывая высокие голенища подаренных немецких сапог сложенной вчетверо верёвкой-удавкой.

Не до конца остыв, ногой распахивает дверь и, едва высунувшись из сумрачного проёма, властно кричит: «Магда!» Девушка, сидя у себя в домике за вышивкой, не слышит этого зова. Но быстроногие

дневальные немедленно передают ей приказание друже провидныка срочно явиться.

Ярый встречает Магду сидя за столом. И с порога принимается отчитывать девушку, сухо постукивая костяшками пальцев о столешницу.

— Чуешь, дивчина! Берись за работу как следует. Пока много недостатков имеешь, опечатки и ошибки допускаешь на каждой странице. В лесничестве ты так не печатала, старалась. И потом! Я когда ещё наказывал тебе придумать псевдо и мне сказать? А ты почему кота за одно место тянешь? Я не буду больше напоминать, мне своих забот хватает, ты мне ещё одну не добавляй.

Подумав, Ярый роняет: «Вот что! Ты теперь будешь Марта. Хлопцы так будут тебя звать и я. Приучайся, чтобы сама в случае чего называлась Марта. Зрозумила?»

Девушка согласно кивает головой, подбирая крохотным платочком быстро скатывающиеся слезинки. «Катюга ты, катюга, — беспомощно бьётся в голове воспалённая мысль. — Даже имечко моё отобрал, скаженная ты зверюга, ты и души людские готов у всех забрать».

На сухопарого карлика она глаза не поднимает; в сузившихся зрачках бандита боится увидеть отражение своих проклятий палачу. А самодовольный пан начальник с удовлетворением отмечает смятение машинистки, но никак не реагирует на её испуганное лицо, оставаясь как можно более непроницаемым.

— Так. Возьми вот эти шесть протоколов рукописных. Посчитай, правильно там, шесть? На этом, что вверху, печатай: «Смык Юстина, 53 лет». Пониже, в кавычках: «Обвиняется в расширении пропаганды против организации и УПА». Доси не знаешь, що це таке УПА? Украинская повстанческая армия, запам'ятай назавжди! Запомни навсегда.

Теперь внизу, слева, нет, ещё ниже, в самом уголке, пиши: «Ликвидирована». Цифрами — «18.03.44 г.». Справа печатай: «Протоколировал «903».

Бери второй протокол. Знаешь теперь, как правильно оформлять? Справа вверху пиши: «Сенич Ольга, 25 лет. Дело неморального поведения с немцами и большевиками, притом ещё доносы красным о деятельности в селе. Ликвидирована. Дело рассматривал «903».

Смык Илья, 1884 года рождения. Ликвидирован. «903».

Федорчак Анна, 36 лет. Ликвидирована. «903».

Левицкий Роман, 71 год. Ликвидирован. «903».

Ярый с бухгалтерской педантичностью, как, бывало, еще в поветовом управлении или в Галичском книжном магазине при подсчёте дневной выручки, водит жилистыми пальцами с обкусанными ногтями по строчкам протоколов. Ровным голосом даёт машинистке указания, строго поглядывает, как она

их переводит на бумагу. Терпеливо разъясняет, подсказывает непонятные места.

Меньше всего думает, если вообще думает, Ярый о том, что зачитывает девушке список безвинно погубленных им людей — стариков, женщин. Для него дело ликвидации так же привычно, как проведение на складе учёта или инвентаризации, когда имеешь дело с неодушевлёнными предметами. А если что и заботит районного референта, так это абсолютно точное соответствие документов инструкции окружного провода, где никаких отступлений не признают и за ошибки круто взыскивают.

Перед глазами Магды за ровными строчками шрифта то и дело прокатывается красная пелена, это боль и жалость плещутся вместе с невыплаканными слезами. «Проклятый, проклятый, нелюдь, кровосос», — пульсируют молоточки у неё в висках. Магда с детских лет как своих родных знает всех погибших односельчан, добрых, мирных людей, которых этот выродок, спесиво именуемый себя референтом, не погнушался обвинить в надуманных преступлениях.

Кого мог обидеть еле передвигающийся по своей усадьбе с палочкой в руках дедушка Левицкий, плохо видящий даже в очках? Но убила его волчья стая за то, что сын Романа Михайловича воевал в Красной армии. На дверях хаты оставили бандеровцы прибитую громадным гвоздём маленькую фотографию красноармейца Левицкого, а рядом — записку, всю в грязных, матерных словах с угрозами. Над сочинением письма самый грамотный из боевикарей — Савка — постарался.

Всегда весёлая, неунывающая бабушка Олена Левицкая с гибелью мужа как угасла; избегает попадаться даже соседям на глаза, днём на улицу почти не выходит, а когда выходит, то натягивает пониже на лоб тёмную хустку. Шутка ли, столько лет прожила с добрым своим Романом, вырастила с ним сыновей, дочерей, дождалась внуков — и вот такая беспощадная, безжалостная участь досталась и мужу, и ей...

Но знают люди: несмотря на большое горе, сердце старой женщины всё равно остаётся добрым к своим сельчанам, не ожесточилось оно с потерей мужа. Это же никто другой, а она, Олена Левицкая, взяла к себе и теперь выхаживает двух маленьких дочек горемычной Анны Федорчак, навсегда раскидавшей белые руки у плетня в зелёном садочке, у любимой яблони. Только и осмелилась несчастная Ганка задержать, упротить Савку не забирать с подворья последнюю курочку, оставить для детей. Упросила...

Боевикари бегали по всем хатам, как волки по лесу, требуя под угрозой пальбы жратвы, самогонки, любых солений, варений, да побольше. Лес, он аппетит здоровым мужикам ого-го как нагоняет.

Харчевой (интендант) боёвки — пузатый одышливый Винник — давно установил оброк каждому подворью. И каждый раз вновь и вновь повторяет, когда, кому и что нужно приносить к нему во двор. Банда неразборчива, алчна, как все мародёры. Хватают, захапывают в мешки и наволочки всё, что обнаружили в клунях, кухнях, сараях, погребах. Метут в подбор сало, яйца, хлеб, картоплю, груши, яблоки, творог, сметану в горшочках и молоко в глиняных глечиках. Переворачивают столы и стулья, выворачивают скрины, сундуки, шкафы, шкафчики и гогочут, выхваляясь друг перед другом захваченной добычей. Чуть ли не по-волчьи урча от радости, закидывают в несметные торбы мотки шерсти, полотно, домотканые рушники, скатерти, половички, ни от чего не отказываются; то, что не попадёт в лес, в потайные схроны, в свои хаты принесут, там сгодится!

За уклонение от оброка судят строго, по своим бандитским законам. Затащат недоимщика в тот же двор интенданта, повалят на землю и бьют палками. Это на языке «лесовых братьев» называется «дать букив». Давали по тридцать, пятьдесят, почему-то девяносто, а особо провинившимся — по сто ударов по спине и ягодицам. Едва дыша, на четвереньках уползали люди с подворья Винника после такой экзекуции. И ни чашки молока, ни кусочка хлеба не оставляли даже больным деткам прожорливые, вечно пьяные, вонючие, не брезгующие ничем мародёры.

«Боже милый, Боже правый, покарай всех этих вурдалаков самой страшной карой, а первым пусть сгорит в антоновом огне этот ирод «903-й», — приговаривает про себя Магда, покачивая головой в такт назиданиям Ярого. И — так как думает она о своём, а пан референт диктует ей своё — девушка допускает ошибки. Но вовремя спохватывается, быстро-быстро поправляет «помилки», вся сжимаясь в комок, предчувствуя окрик референта. Но великий психолог, как он сам считает, Ярый уже взял себя в руки, держится ровно, понимая, что руганью ничего не добьёшься. Напротив, нужно усиленно показывать свою лояльность, словно ничего не произошло и он всем доволен. Гайдамак неплохо перенял от учителей в Кракове уроки воспитания. То, что Магда — Марта забита, настороженна, пана атамана мало волнует, он давно привык читать на людских лицах страх, угодливость, смирение, и ему нечему удивляться. Преданно заглядывать пану референту в глаза Ярый приучил всех в боёвке. Всех, кроме независимого Савки, упорно не кланяющегося ни Богу, ни чёрту, ни пуле, ни самому главному вождю.

Но тому надо прощать непокорность. Кто знает, что у него на уме и чего можно ждать в ночь глухую от этого лохматого молчуна-садиста? Лучше уж не

замечать его вызывающе прямую осанку и не потухающий ни перед кем, даже перед самим окружным референтом — паном Скалой, — лютый взор.

Каждый раз, когда стонет и скрипит от дикого, разнузданного пьянства лисовых братьев вся округа, трезвый как стёклышко Ярый (ни опорожнённая на троих четверть бурякового самогона, никакая хвороба его не берёт!) обнимает Савку за талию и, свистом подзывая секретаря своего, Буревого, называет: «Чуешь ты, якщо зи мною шось таке трапиться, ось хто — Савватий Фецюк — прийме нашу справу, тумкаешь? И слухать його будете, як мене, тильки так!»

Но на трезвую голову Ярослав Ярый никогда к этой теме не возвращается, а Буревой и не напоминает. Ещё чего, выяснять у друга проводника, кто готов занять его место, должность сотенного! Та вы шо? З глузду зыхалы? Знает Буревой, каким бывает Ярый скорым на расправу, если ему что-то покажется не по нраву. Несколько раз выдывал. Лучше бы не видеть...

ОТ АВТОРА

В апреле 1944 года оперативной группой НКГБ во Львове был арестован 34-летний уроженец Галицкого района Станиславской (ныне Ивано-Франковской) области Луцкий Александр Андреевич — он же «Клименко», он же «Богдан», «Марко», «Беркут», «Андриенко».

Кое-что чекисты о нём знали. Например, о том, что в 1939 году при установлении в Западной Украине Советской власти Луцкий бежал в Краков, к заправилам главного провода (руководящего центра) Организации украинских националистов — ОУН. Проверку на всех перекрёстных допросах беглец там выдержал, но всевластные хозяева всё равно ему заявили, что вас, мол, таких прихлебателей, тут, в тылу, много околачивается, так что возвращайся-ка ты, друже, в свою вотчину, гуртуй там надёжный отряд для организации борьбы против Советов за самостоятельную соборную Украину. А гроши, в качестве оборотного капитала, мы дадим.

Луцкий рьяно взялся за порученную «справу». С первых дней войны сформировал с помощью продажных попов униатской церкви, легко дурачивших простой люд, антисоветский националистический легион. Наймиты (наёмники) из числа где-то повоевавших ускоренно проводили с насильно мобилизованными сельскими парубками боевую подготовку, а потом и тех, и других главный провод, выполнял директиву гитлеровского командования, отправлял воевать против регулярных частей Красной армии и белорусских партизан. Город Дорогобуж, деревни Залазна, Леоново Сафоновского района и Корсики Ершичского района Смоленской области, деревня Лязовое Клетнянского района Могилёв-

ской области — вот далеко не полный маршрут тех населённых пунктов, где в середине войны прошла беспощадная орда бандитов и мародёров, обагрив руки по локоть в крови. Кто науськанный, как цепной пёс, кто напуганный, зашуганный, ничего не понимающий и забитый, кто осознанно озлобленный на Советы и потому идейный, шёл в оуновской рати по сёлам и просёлкам, уклоняясь от прямых боевых столкновений с красноармейской пехотой и артиллерией, зато принимая самое активное участие в массовых истязаниях и расстрелах пленных советских солдат и офицеров, мирных граждан, несчастных раненых и больных бойцов со звёздочками на пилотках.

Луцкий создал по всей Галиции (Западной Украине) так называемую «Украинскую национальную самооборону», которая позднее была преобразована в УПА — Украинскую повстанческую армию. В ней проявивший все свои организаторские способности как истовый боевик и истязатель Луцкий командовал самой кровавой группировкой «Захид» («Запад»). Пробивной бандитский кадр быстро выбился в состав главного провода ОУН и стал одним из руководителей в главном штабе повстанческой армии.

Это за его личной подписью летели во все боёвки грозные инструкции, мрачные предупреждения и распоряжения, почти всегда кончавшиеся нешуточными угрозами: «За невыполнение — расстрел», «За несоблюдение — расстрел», «За неподчинение — расстрел». Приведенная в действие на страшных оборотах карательная машина уже не могла остановиться. Молох убийств неумолимо требовал всё новые и новые жертвы. Что же предписывали секретные наставления боевикам?

Видеть в Красной армии только злейшего врага-поработителя. А потому безжалостно уничтожать бойцов и командиров, выходцев из ненавистных униатскому ордену Советов. В опасные моменты переходить на нелегальное положение, для чего заранее готовить и продуманно располагать на своих территориях склады с оружием и боеприпасами, схроны с продовольствием, гражданской одеждой, воинским снаряжением, строить на выгодных высотах бункеры, напоминающие доты и дзоты. Для складов и укрытий личного состава лучше всего подходят далёкие от людского глаза места — леса, кладбища, брошенные земли, заимки, руины древних построек, где нет ни массового хождения, ни угрозы попасть к «ястребкам» (красноармейским истребительным батальонам) в засаду. Постоянно помнить о мобильности, быстром передвижении и скрытности боёвок. Если становится трудно с пропитанием — возвращаться в свои сёла, насыпаясь на маленькие группки. Днём заниматься мирным трудом на подворьях, копошиться в садах,

мотыжить землю в огородах, ничем не отличаясь от земляков-крестьян, а ночью выходить на другую, известную лишь посвящённому кругу «охоту». Где только можно организовывать новые — основные и резервные — линии связи, постоянно помнить о конспирации и строжайше соблюдать её, для чего периодически менять оуновские клички, явки, пароли, обозначения населённых пунктов.

Гитлеровско-гиммлеровская школа, обожавшая всякого рода тайны, шифры, пароли, секреты, явки и подпольные хаты, Луцким и его окружением была усвоена прочно, как подобает ученикам-отличникам. Луцкий явился организатором создания самой кровавой надстройки в Организации украинских националистов — «службы безпеки», сокращенно СБ — подобия зловещей гиммлеровской службы безопасности. Так называемая референтура (бандеровцы ух как любили пышные термины!) безпеки являлась по существу контрразведкой и карательным органом. Перед ней ставилась первоочередная задача — выявлять в своих рядах агентов из числа работников милиции и государственной безопасности. Бандиты всех их называли «сексоты» (от секретный сотрудник) и считали самым смертельным противодействием ОУН, подлежащим при выявлении допросам с пристрастием, пыткам, а в конце концов — ликвидации.

Всё, что только могла и умела, позаимствовала охранка Луцкого от системы работы гестапо. Слепо копировала как её структуру, так и идеологию. Служба безпеки наделялась правом осуществлять беспрепятственный контроль и надзор за выполнением нижестоящими организациями директив главного провода, следила за безупречностью выполнения требований конспирации и чистотой рядов лесных братьев. Попытки дезертирства, уклонения от грязных дел, проявления жалости и милосердия кончались для уклонистов, трусов и «слонтяев» очень плохо; в лучшем случае карцером на одной воде в тесной камере или полусотней «букив», в худшем — истязаниями и стенкой... Чем не слепок с выпестованного платным агентом рейхсвера Адольфом Гитлером нежно любимого им гестапо, где проповедовались именно такие методы к врагам рейха!

При службе безопасности действовал криминальный отдел. Начиная с предпоследнего военного года, безпека стала создавать в тылу красноармейских частей специальные разведывательные группы, доносившие о передвижении советских войск и возможности нападения на них. Но когда наши войска вышли к предгорью Карпат, откуда открывался прямой путь — на Чехословакию и дальше, на Берлин — бандиты перепугались. Руководители боёвок по примеру «керивництва» (руководства) ОУН принялись спешно заматывать следы. Немедля поменяли

все псевдонимы, причём многие — личные именные — на безликие цифровые. Раскинули густую сеть конспиративных квартир, на которых, не теряя времени, уже стали отрабатывать возможные варианты встреч по заранее обусловленным паролям. Потихоньку практиковали внедрение боеварей в оставляемых местностях на нелегальном положении.

Тем не менее паукам трудно было выбраться из липкой, ими же сплетённой паутины. С помощью населения выловили Луцкого, которого суд приговорил к расстрелу. Многие сельские мужики, как правило, из числа вчерашних земледельцев, строителей по найму, пасечников, пекарей и слесарей, таскавших на своих плечах, но не применявших стрелковую «зброю» в деле, люди из числа вправду околпаченных бандеровской пропагандой потянулись сдаваться.

Только не все раскаявшиеся оказались такими уж белыми и пушистыми. Проводившие положенную фильтрацию смершевцы вылавливали в толпе присмиривших ушлых, на которых пробу ставить было негде, которые перед явкой с повинной сумели втайне ликвидировать своих же, многое о них знавших и ведавших, чтобы не разболтали то, чего не следует. Но нередко «перековавшиеся» лесовики решительно разоружали и приводили в местные органы власти своих вожakov. Это всячески одобрялось, поощрялось, шло в безусловный зачёт сдавшимся.

Впрочем, мы несколько торопим события... Ещё ведь идёт война. И не помышляют особо о переходе на подпольное, нелегальное положение ни штаб, ни стан, ни керивники (руководители) ОУН и обречённой на гибель боёвки «Черные черти»...

ГЛАВА 2 ГЕРОИ И ПРЕДАТЕЛИ

Собрав в сарае своих ближайших подручных — Волоса, Опришко, Бурового, Савку и Смерека, всё ту же верную пятёрку, с которой вершил самые сложные дела, — озабоченный друже провиднык вслух зачитывал последний обзор военных действий, подписанный окружным военным референтом Скалой.

«Без ведома референта, — наставляла бумага, — отныне боевики не имеют права самостоятельно решать вопросы ликвидации. В первые дни апреля на территории Галицкого округа появились уже следы большевиков. Первый след ведёт в село Озерцы. Отряд в количестве до сорока человек осмотрел территорию, потом ушёл. Квартировали по хатам. В селе вкопали несколько пушек.

В связи со сложившейся обстановкой напоминаю о строжайшем соблюдении инструкций о порядке хранения и уничтожения архивов, о порядке со-

хранения тайны и о том, кто может присутствовать при допросах, проводимых референтом. Вводятся новые псевдо для местностей: Пидмихайля — Путивль, Добриляны — Дубина, Новица — Хвостив, Сливки — Сучак, Ясинь — Яворина. Напоминаю: допрос должен начинаться с признания вины арестованного. Все материалы допроса должны быть исчерпывающие и точные». Дальше шло обычное для таких депеш предостережение: «За отступление от инструкции виновные будут караться вплоть до смерти».

Ярый, сложив тонкую бумагу вдвое и ещё раз вдвое, поднёс её к огоньку копилки. Пламя жадно облизало поживу и быстро проглотило её, оставив лишь белесый пепел. Друже провиднык поднял на подручных тяжёлый, немигающий взгляд своих смолистых буравчиков — никто из бандитов смотреть ему в глаза не смел, и потому что боялись, и потому что чисто физически не выдерживали его прищура.

— Всем всё ясно? — переспросил Ярый. — Тогда так. Больше о наших фамилиях вообще не может быть и речи, забыть. Пусть только кто гавкнет по фамилии... И завтра к утру каждому доложить свои предложения об устройстве схронов. Сейчас Савка и Буровой пойдут со мной, остальных отдыхать, вечером приготовить оружие, будет работа.

Худой, в болтающемся на плечах немецком кителе, со свисающей прядью давно не чёсанных волос, первым вышмыгнул из сарая Опришко, чьи братья — Ярема и Медведь — также промышляли в соседних боёвках. Савка — руки в карманах брюк, вышел следом покурить. Ярый внутренне усмехнулся: бывший студент Львовского университета, считающий себя интеллигентом, Савка таскал в карманах впрок заготовленные записочки, исполненные каллиграфическим почерком: «Убит как предатель и красный доносчик. Не вздумайте мстить!» Вместо подписи — слева виньеточка, справа — жёлто-голубой трезубец, символ лесных братьев — «ратоборцев» за единую и неделимую, святую, соборную Украину. В который раз с удовлетворением подумал Ярый, какой же добрый вояка вышел из Савватия Фецюка, всегда на него можно положиться...

В дом харчевого лесная троика вошла бесстрашно, поскольку издали заметный сигнал — глиняный кувшин на тыне — извещал о спокойствии в селе.

— Ну, расскажи мне, патякало, кто тебя научил налево и направо языком ляскать? — пригнувшись, наступал на позеленевшего от страха Винника друже провиднык. — Может, ты уже ковпаковцам запродался или с полячишками, пся крев, дружбу водишь? Так я из тебя, курва, сейчас печёнку вытащу и тебе покажу. Га?

И так дрожащий от смертельного испуга интендант Леонтий Винник при этих словах и вовсе обо-

млел. Как парализованный, он только открывал и закрывал рот, не в силах произнести ни единого слова. Еле-еле сглотив наконец душившие спазмы, Винник бухнулся Ярому в ноги, выставив в гору откормленный, по-бабы широкий зад, и заскулил щенячьим голосом:

— Не губите, пан референт, друже провидных, пробачте мене, за ради Бога! Я знаю, что виноват, я ж их, голодранцев, только налякать подужче хотел, я же вам сколько пользы принёс, не губите меня!

— Подсчитываешь свои заслуги, мерзота? — презрительно ткнул сапогом распростёртого Винника референт боёвки. — Ну, назови, назови свои полезные дела.

Поскольку Винник всё ползал по домотканой дорожке, ослабев в коленях, подняться ему помог Буревой, поддав сапогом так, что интендант вмиг очутился на лавке.

— Сейчас, сейчас, я документально, — приходил в себя из полуобморочного состояния толстопузый интендант, минуту назад в мыслях распрощавшийся с жизнью.

Прыгающими, неподвластными пальцами он шарил за отворотами лёгкого кожушка, выискивая нужную бумажку. Найдя, облегчённо перекрестился: «Фу-ух! Думал, потерял».

Отодвинув листок подальше от глаз, харчевой, торопливо облизывая губы, начал перечислять собранное и переданное: «Зимних кожных — сорок, нательного белья — шестьдесят пар, полотна — пятьдесят метров, свитеров — восемнадцать, шерстяных носков — пятнадцать пар...»

— О-о-рёл, — выслушав Винника, процедил всегда злой на харчевого Савка. — Мы кочаны свои подставляли, когда магазины вскрывали, молокопункты и леспромхозы брали, а вот эта крыса толстож., те трофеи, что селяне ему добровольно сдают, за доблесть преподносит. У-у, бес, на смереку тебя за такую контрибуцию.

Вороватый, малообразованный Винник не понял, что это за слово такое «контрибуция». Зато злое предложение Савки повесить его на смереке, то есть на ели (Леонтий Гаврилович знал, как быстро это делается), он понял всеми дрожащими потрохами. И вновь лстыиво заюлил, придавая голосу нежнейшие оттенки, чтобы, упаси Господь, неосторожным оборотом не разозлить до конца кого-либо из гостей.

— Нет-нет, пан Савватий. Добровольно никто мне ничего, прошу простить великодушно, не давал. Я каждый раз свою настойчивость проявляю. Вот, будь ласка, ещё, — он перевернул вспотевшими руками листок с записями, — подготовил вам к передаче шесть кило хлеба, солонины три килограммчика, шестьдесят яиц, молока в погребе оставил двадцать литров.

— А самогону, шо, немає? — угрожающе рявкнул Буревой.

— Найдём, как же без самограю, — преданно глядя не на Буревую, а на Ярого, всё так же подобо-бострастно, только уже и чуточку посмелее, даже пытаясь улыбнуться резиновыми губами, произнёс Винник.

— Листок свой сожги, — протянул спички Ярый. — Когда это я тебе разрешал архивы заводить? Чтобы никаких записей дома не было!

При каждом слове референта Винник успевал по два, а то и по три раза кивнуть головой, показывая верх послушания и раболепия. Но до конца разжалобить Ярого не сумел.

— Буревой! Вломи этому ляпалу десять букив, да от души, чтобы этот болтун добряче свою дупу почухал и поменьше на ней сидел, а больше бегал.

— Может, я? — предложил свои услуги Савка, чуя, что не скоро ещё представится ему такой повод отыгаться на трусе и бездельнике Виннике.

Но Ярый, ухватив Фецюка под локоть, подталкивал его к выходу. А на крыльце, что-то вспомнив, вернулся, заставив только было разогнувшегося харчевого вновь скрючиться в три погребели, чтобы не казаться ростом выше референта.

Пристально глядя интенданту в глаза, Ярый распорядился: «Запрягай завтра свою подводку, бери чувалы, поедешь с Опришко по хуторам. Соберёте всю картошку. Сам залазь в погреба, проверяй, не ленись, до последней бульбы чтобы всё вытряхнул! Если не увезёшь к себе — заховай где только сможешь, остатки в яму зарой, в болото выкинь. Но чтобы эти залапанные Советы, когда появятся, не жрали украинську картоплю. А то я знаю москалей, они до картошечки даже охочи, особенно влупень, по-руськи «в мундирах» называют».

Ликующий в душе после спасения за опрометчивый разговор с земляками Винник, подобно китайскому болванчику, вновь согласно, быстро-быстро кивал головой, словно кто-то снизу дёргал его верёвочкой за подбородок.

— И запомни, доблестный вояка, — напоследок пробуравил заготовителя тяжёлым взглядом Ярый, — твякнешь ещё хоть раз что-нибудь компрометирующее, ответишь как за помощь Советам! И всё твоё семейство ответит. А тебя лично повешу на сосне, за ноги, да хоромы твои подпалю, чтобы лучше горело. Ты меня знаешь!

Ещё бы! Уж куда как хорошо знал одноклассник Леонтий Винник Ярослава Ярого. Трепетал перед ним и служил с собачьей покорностью вот уже два года. С той самой поры, когда получил от пана референта каллиграфически исполненную записочку: «Очень прошу вас, пан Леонтий, сейчас же прибыть с моим проводником. Предупреждаю, что в случае отказа вас лично и ваших близких ожидает большое горе».

От такого «вежливого» приглашения на явку мог отказаться только смертник или сумасшедший. Пан Леонтий себя ни тем, ни другим не считал. Он очень хотел жить, со своим добром не только не расставаясь, а, напротив, приумножая его. И на встречу, конечно, пошёл. И суму интенданта принял без вопросов и лишних слов. Жаль, допустил за два года безупречной службы лишь единственную промашку: рассказал соседке про расстрел её мужа, а это и означает, что высунул язык дальше положенного. Хорошо ещё так отделался, поркой. А то ведь правда мог бы уже, перехваченный за гладкое нежное горло грубым беспощадным шнурком, висеть у себя же во дворе вон на том старом раскидистом яворе. Или в глубине двора, за клуней, на сливе, дарующей прекрасные ягоды, каждая размером с куриное яйцо, потому именуемые «кобылёхи», в отличие от обычных слив, именуемых «бруньки».

При мысли о злой каре Винник вздрогнул и почему-то подумал: «Спилю я эту тополя к чёртовой маме, нехай она мне тут глаза не мозолит! Всё равно на топку дрова будут нужны».

Пока Ярый давал наказ харчевому, оборотистый Буревой успел срезать со злополучного тополя увесистую ветку, ставшую багом. И теперь стоял в дверях, опираясь на неё как на посох, готовый к исполнению наказания.

Двинувшийся в путь референт и Савка даже за воротами слышали сдавленные вопли интенданта, изнемогавшего под добросовестными оттяжками верзилы Буревого.

К вечеру там же, у околицы, бандиты встретили подкрепление из числа осёдлых, не входивших в лесную братию, боевкарей. Ковыряя пальцем в зубах, приплёлся малость косящий на левый глаз Быстрый, следом за ним — большеносый Весёлый и потерявший в недавней пьяной драке со своими два передних зуба, как всегда, попахивавший бургачным самогоном, Вуйко. Чуть погодя подошли ещё двое, прятывшиеся за малоприметным бугром, — сыновья Винника: похожий на отца кругленький, краснощёкий Бобик и полная противоположность ему — сухой, костлявый, с тесно прижатыми к голове ушами Лыс, копия вечно хмурой, всегда чем-то недовольной и злой матери.

На ходу посвятив пополнение в курс дела, Ярый изложил свой план: потихоньку окружить хатку пастуха плотным кольцом и без крика и шума взять всех, кто там окажется, живыми. «У пастуха найдутся москали, они должны дать ценные сведения мне и в главный провод», — подчеркнул свою приближённость к высшей касте тщеславный референт.

Привычно упрятав оружие под кожушки, куртки и свитки, боевики окольцевали пастуший домик так,

что теперь из него не вырвался бы и воробей. Разведка бесшумным шагом заскользила к окнам, крадучись заглянула в них. Внутри, на лавке, приставленной к стене, сидели трое высохших, усталых мужчин, только что, видимо, поужинавших: жена пастуха убирала со стола чашки да ложки.

Ещё двое беглецов из неволи, склонившись тут же на край стола и подложив руки под голову, спали или дремали. Двое чинили обувь, ещё один зашивал большую дыру на рубаше. «Восемь их тут», — сосчитав силы противника, показал на пальцах Бобик.

Пошептавшись с Буревым, сотенный резко взмахнул рукой, увлекая за собой подчинённых. И через минуту в насквозь распахнутые окна хатёнки тупо, угрожающе наставились на застигнутых враг сплех беглецов из фашистского плена шесть автоматных стволов.

Грохнув дверью, громяхая опрокинутыми ведрами и кастрюлями, тут же ворвался в хату разметавший патлы Савка с поднятой над головой противотанковой гранатой:

— А ну, лапы в гору, и не двигаться, распроданцы!

Казалось, рассчитанная на ошеломляющую внезапность операция и в этот раз пройдёт у бандеровцев без сучка без задоринки. Пленники парализованы страхом, они, как рыбы на мелководье, взяты голыми руками, и что ещё остаётся обречённым как не сдаться на милость победителя, вымаливая себе пощаду. Не оказывать же пленникам, чахлым доходягам, сопротивление откормленным бычкам — боевкарям!

Просчитались бандиты! Не учли, что, кроме этих восьми, ещё три бойца находятся в сенцах и во дворе, в неприметном карауле. И они не бросили своих товарищей, хотя хорошо познали цену свободе и, будь трусливее, будь малодушнее, могли слинять под шумок далеко-далёко от ставшей ловушкой хаты пастуха. Нет. Пленные не ушли, приняли неравный бой.

Раз — и под ноги заглядывающих в окна Смерека и Бобика, кувыряясь, полетела брошенная воронезцем, лейтенантом Серёгой Савиным венгерская граната, отправив бандитов на тот свет. Два — и Весёлый, неестественно переломившись в спине, с матом опрокинулся на крыльцо, сваленный Сергеевыми пистолетными выстрелами.

Три бандеровца легли трупам у хатки пастуха. Но на большее у пленных караульных не было ни физических сил, ни патронов в пистолетной обойме. И вскоре они, скрученные шнурами-удавками, присоединились к своим захваченным товарищам.

Ярый в ту же ночь допрашивал пленников лично. По одному. Не выдерживая сцен, происходящих при колеблющемся пламени смердящей копилки, вы-

бегал во двор, зажимая рот на бегу, казалось бы, привычный ко всему секретарь референта Буревой.

А повариха боёвки, давняя лесная подруга гаваря, зажимая ладошкой толстые губы, на другой день под страшным секретом рассказывала «Марте» о Яром. «Пришёл под утро, весь обмякший. Велел согреть воды помыться. Я ему на спину поливать стала, да чуть не закричала во весь голос! Представляешь, от лопаток и до самой поясницы сплошные жёлтые и чёрные полосы. Ой, Марта, его же ни о чём спрашивать нельзя. Но теперь я поняла, почему те пленные убиты, а выстрелов мы не слышали. Он их на себе удавкой перевешал...»

Несдобровать бы потрясённой женщине, вынужденной делить с Ярым не только стол и кров, а и постель, услышь даже не он сам, а хоть кто-нибудь из его приближённых горячий опасливый шёпот толстушки-поварихи. Страшной смертью заплатила бы она за свои откровенные признания, ни на миг не посчитался бы Ярый, что это его любовница. Есть ли для палача что-либо святое?

Невольно прознавшая об истязаниях несчастных пленников, знала, что может ждать её в худшем случае. Но и молчать не могла, боялась, что сердце разорвётся, что сойдёт она с ума, если не выговорится, не выплеснет из себя те страшные ночные впечатления.

Поварихе всё сошло благополучно. И Марта была не из продажных болтушек, и пан референт не удосужился проверять, вдруг растрепал кто об увиденном и услышанном в сарае? В глубине души уверовал: даже те, кто видели, кто был рядом, язык не высунут, промолчат.

Вечером, пользуясь сном мертвецки пьяного Ярого, повариха вновь прошмыгнула на половинку домика Магды, занятой скромными постирушками. И опять, то называя её подлинное имя, то по псевдониму, поведала о том, что сама узнала от приходившегося ей двоюродным братом Буревом.

Молодой, светленький советский солдат, он назвался Сергеем Савиным, родом из Воронежа, больше всех разозлил Ярого, даже не столько тем, что от правил петь частушки на небесах Весёлого, сколько бесстрашием, дерзостью. Потому так лютовал, так выходил из себя атаман на допросе. Когда вконец взбешённый презрительным поведением Савина Ярый накинуд ему удавку на шею, грозя сейчас же удушить, удавить, повесить, Сергей, хрипя и как можно выше поднимая голову, процедил в ответ:

— Возьми верёвку подлинней, скотина!

— Шо? Ты шо зараз гавкнув, «подлиней»? Як, як ты мене назвав?

— Тварью тебя назвал, коротышка! В задницу меня поцелуй, сволочь, фашист!

Бедный этот парень погиб первым со связанными руками, удушенный озверевшим референтом.

Не раз потом вспомнит «дуже провидный» этого бесстрашного Сергея, вспомнит то презрение, гадливость, ненависть, с которыми смотрел на него, победителя, ни фига, выходит, не побеждённый пленный советский солдат.

Но некогда было предаваться чувствам стыда или раскаяния озабоченному референту. Хитрую игру затеял он с единственным уцелевшим из пленников — пулемётчиком Николаем Поречным. Курский пацанёнок, сельский тракторист, вконец сломленный видом пыток, жутких издевательств, обрушившихся на его товарищей, весь в слезах и соплях, сразу же рассказал Ярому всё, что знал и ведал. Показал, в каком месте оставили бойцы пулемёт Дегтярёва — «дегтярь» — это неказистое, прыгающее при стрельбе даже на сошках и дающее жуткую отдачу оружие, с несколькими дисками, набитыми патронами.

Ярый продержал Николая Поречного в «карантине» целую неделю, не вызывая на допросы, приказав выдавать неплохую кормёжку. Школа гестапо, она ведь включала в себя не только пытки, а и такой «лояльный» подход, о чём пан референт знал по собственной довоенной практике в Кракове. Растерянный человеческим к нему обращением после всего увиденного, сжимавшийся в комок в предчувствии пыток и истязаний, Поречный терялся в догадках, боясь даже в мыслях представить себе самое страшное. Что означает эта неделя отдыха? В честь чего такие поблажки? Может, это подготовка к новым, ещё более изощрённым издевательствам над ним, узником? Но он же по-честному рассказал этому страшному гаварю всё о своей ускоренной учёбе на пулеметчика, о считанных месяцах фронта, пока не угодил в плен к немцам после первого боя и касательном ранении в плечо. О победе из плена с группой Савина. Он же сдал запрятанный у села пулемёт с запасными дисками. Чего ещё хотят эти косматые бандеры?

А Ярый выстраивал свою тактику. Сразу поняв, что Поречный это не Савин, не из разряда стойких противников — уж больно плескался ужас в глазах пацана при виде расправы над его дружками, — референт сменил подход от жестокого к внезапно мягкому. Именно такая метода обычно эффективно действует на трусов, не управляющих своей волей, смятенных и паникующих предателей. Нужно только расчётливо, не перегибая, поводить его ещё немного на кукуане, на удочке, а потом выждать момент — гаркнуть что есть силы и — сломать. Чтобы в дальнейшем удерживать без труда под своей опекой. Хороший пулемётчик нужен боёвке всегда, нужен он сейчас, сегодня. Ведь краснолапые прут на немцев косяком, прут неудержимо, значит, и УПА наступит амба, конец, кранты, куда тикать, как спасти документы, боёвку?

Ярый наконец вызвал Поречного на допрос. И вёл его мягко, без крика и рукоприкладства, лишь изредка просверливая обмякшего пленника угольными буравчиками. Колька вечерами и ночами мечтал при первой же возможности сбежать из боёвки и, пользуясь тем, что свидетелей его трусости не осталось в живых, в случае успешного побега рассказать отцам-командирам — и ротному, и взводному, и особистам — всё так, как сочтёт нужным. Авось проскочит. Вот только Ярый... Он требует вновь и вновь давать письменные показания, переписывать их трижды в день. Видимо, пытается поймать на каких-то разногласиях, нестыковках. Но, нет. У Поречного в ответах всё вроде сходится. Значит, не врёт малый. А коль не врёт — получай жратву и прогулки под присмотром.

И Колька Поречный хлебал сытную лесную похлёбку, видел свет в щелях сарая и слушал пение птиц, считая дешёвое своё существование, купленное ценой измены, всё-таки жизнью.

Пройдёт ещё несколько дней, и, пряча глаза от иронично посматривающих на него лесных братьев, Поречный получит из рук Буревого автоматическую винтовку, к ней двадцать патронов, отдельно штык и две гранаты. До зброи! Колька начнёт осваивать особенности боевых действий в лесных условиях при наличии малых подвижных сил. Без артиллерийского прикрытия.

А Ярый тем временем поручил Марте подшить в отдельную папочку все показания и конечное обязательство «курсанта» Поречного, написанное под диктовку референта: «Желаю работать совместно с Украинской повстанческой армией до полного разгрома москалей, поляков, жидо-большевистских оккупантов и всех врагов Украины и создания Украинской Свободной Державы».

С того самого дня настоящая фамилия пулемётчика была забыта. Кличку ему дал образованный Савка. Кличку убийственную: «Задерихвост». Бандиты гоготали, а играющий желваками сумрачный Савка пояснял Ярому: «От ты побачишь (Савка единственный из приближённых, точно так, как Гесс у Гитлера, наделён был привилегией обращаться к главарю на «ты»), от ты побачишь, смотается от нас этот сучонок. Зря ты пригред гада большевистского, его ж по роже видно — Задерихвост».

Вот так имя маленькой безобидной птахи стало бандитским псевдо нового боевkarя Николая Поречного. Позорное для человека имя. Но... Как народом сказано: «По шерсти и кличка!»

ИЗ ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ БОЁВОК СБ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛУШСКОГО ОКРУГА

Боевики являются охраной для руководителей и одновременно выполняют различные поручения руководителей. При встрече с врагом боевик дол-

жен быть отважным и достойным собратьев в бою и не покидать своих друзей, а стоять отважно в обороне. Боевик не должен оставлять раненых во время боя, а оказывать им помощь. О работе, которую боевик выполняет, он не должен говорить никому, лишь своим руководителям. Боевик не должен даваться живым в руки врагу. Такой боевик перестаёт быть членом организации и одновременно становится изменником украинской нации.

ГЛАВА 3 ФИНИШ ЭСТАФЕТЫ

Как ни бесшумно крался лазутчик по предутренним еловым посадкам — натренированный слух сержанта Балуева засёк его шаги. Солдат тут же вскинул ладонь, подав условный знак командиру. И руководитель оперативной группы — следователь районной милиции майор Боруля — резко выскочил на лесную стёжку, на перехват. Но тут же, не столько услышав, сколько почуяв близкий посвист встречной пули, он с фронтовой сноровкой бросился за сломанный буреломом пенёк и оттуда прокричал: «Сдавайся, бандюга, все равно не уйдёшь!»

Но лишь треск хрустящих под ногами сучьев был ему ответом. Прожжённый бандеровец Савватий Фецюк, посланный с небольшим засургуцованным пакетом — «штафетою» — в главный провод, удирал от красноармейского истребительного батальона — «ястребков» — что есть мочи. Ветки кустарников наотмашь хлестали его по чёрным, давно не бритым щекам. Сапоги, разъезжаясь, скользили по жухлому октябрьскому листу, едва прикрывавшему глинистую почву. В лицо из-под ног, бомбивших лужи, и откуда-то сверху, наверное с верхушек деревьев, слетали за шиворот и неприятно обдавали холодом ледяные брызги. Но ничего этого не ощущал обуянный смертельным страхом вестовой.

Ему уже не хватало дыхания. Сладкий привкус крови обжигал жадно, с хрипом хватающую воздух глотку. Пот, ручьями струясь из-под шапки, заливал глаза и липко растекался за воротом нательной рубахи. Ныло и просило отдыха, пощады измученное непосильным бегом тело. Но не было сейчас силы, способной остановить самого яростного боевkarя из боёвки «Чёрные черти».

Савка сам достаточно напрактиковался в засадах на потайных тропах, чтобы знать, какой бешеный зуд охватывает тебя во время поиска, погони и поимки беглеца. Профессионалу-охотнику, настаигающему зверя, и тому не подныть до таких вершин азарта, как тут, при ловле живого человека. Чего стоит хотя бы та сладость, когда убегающий, предвкушая спасение, вдруг никнет мордой в грязь, сбитый наземь из-под кустов твоей безжа-

лостной подножкой. И ты крутишь ему, обессиленному, парализованному от страха, руки надёжной верёвочкой-мотузкой и тащишь потом волоком на расправу — под могучие кулаки и сапожища опьянённых жаждой власти лесных братьев. Боялся Савка, что сейчас точно такая же расправа грозит и ему, убегающему. Вот, вот, вот, дышат в спину, наступают его след в след распроклятые москали, хай бы молнии, нехай бы блискавки поубивали, по-бывали кожного из них!

Но не только страх перед задержанием подгонял Фецока. Он во что бы то ни стало обязан был, но не мог, никак не мог избавиться от невесомого и в то же время громадной тяжестью давившего на него засургучованного пакета, той самой «штафеты» — эстафеты.

Лихорадочно, насколько позволяло расстояние, а оно всё сокращалось между ним и преследователями, Савка бросал взгляды по сторонам, высматривая мало-мальски укромное местечко — яму, балку, ложок, окопчик, заросли поглуше, позволившие затаиться хотя бы на две минуты, достаточных для того, чтобы чиркнуть спичкой. И, к ужасу своему, не видел ничего подходящего.

Где же, где сжечь, как полагается по инструкции боевику, сложенный в малюсенький квадратик листок «штафеты»? Будь она трижды проклята, эта стоящая ему теперь жизни бумажка! Зачем только он согласился её доставить, если прежде никогда не ходил связным? Собирался же в этот край Буревой, пусть бы он и рвал сейчас когти от «ястребков». Вон как без устали несутся они сейчас за ним по пятнам, аж гай гудит! Сколько их там, злыдней-оперов, пять, семь, больше? А если меньше, может, есть смысл залечь вон под тем барбарисом и шарahnуть по ним гранатой, пусть завоют москаляки, поцелованные осколками. Ух, как прут схидняки чёртовы, несутся напролом и не думают останавливаться. Матинко ридна, где же искать спасение?

Сибиряк Балуев, парень ловкий, сухой, поджарый, из вчерашних промысловых охотников, действительно был охвачен азартом. Только не тем, зверским, чтобы изловить, затоптать, забить человека до смерти. Сержанта вели устав и присяга. И только во имя них рождался огненный пыл — не дать уйти беглецу-бандиту.

Не восстановившийся после недавнего ранения командир «ястребков» Боруля безнадежно отстал. Привалился к сосновому стволу, успокаивая прерывистое дыхание, приложил руки к груди и, отчаянно рванув крючки майорской шинели, хрипло благословил Балуева: «Андрюха, если не догонишь — стреляй, он, подлец, всё равно вне закона».

В драке с таким многоопытным верзилкой, как Савка, навряд ли мог положиться на себя Балуев — обладатель незавидных физических кондиций.

Не сказать, чтобы совсем уж щупленький или хилый был солдат — дома, в красноярской тайге, ого-го, сколько, бывало, с отцом на лыжах отмахивал. Но ведь для драки дыхалки мало, тут особая дюжесть кулакам и проворность телу нужна. То, чего ему, мастеру по стрельбе — хоть навскидку, хоть прицельно — сейчас не хватало.

Выскользнув на пересечение двух мшистых тропинок, Балуев распластался под мохнатым кустом бересклета. Заученно укрепил в изумрудномшистой расщелине у корней ствол родненькой десятизарядной СВТ, безотказной снайперской «Светланки».

И, едва выплыла из сумеречного полумрака согнутая фигура Савки, перебежавшего край обрыва в направлении непролазной чащи, хладнокровно, как на учениях, захватил его в прицел. «Стои, стрелять буду!» — крикнул он бандиту. Топот не замедлился ни на шаг. И тогда, прищурившись, Балуев плавно повёл мушку по ходу движения бандеровца. Выждав неуловимое мгновение, когда цель появится особенно чётко, снайпер уверенно потянул на себя стылый спусковой крючок. И Савка тут же, как косой подрезанный, плюхнулся, взмахнув руками, в мокрый после дождя рыжий песок. Два шага не добежал до кромки спасительного увала...

Только гнавший на полонину стадо коз пастух встретился на пути небольшому отряду. Труп Фецока, завёрнутый в плащ-палатку, затащили в здание милиции. Там обыскали, подробно запротоколировав всё, обнаруженное в одежде. На застеленный пожелтевшей газетой стол майора Борули легли немецкий пистолет «Вальтер» с удлинённым стволом, две обоймы к нему, две гранаты-«лимонки», обязательный для боевиков двухметровой длины шнур, пара чёрных сухарей... В нагрудном кармане обнаружилась школьная, по всей видимости (это выдавал кружевной белый передник), фотокарточка улыбающейся белозубой дивчины, с виньеточной надписью «Марта». А само секретное послание — «эстафету» — нашли с внутренней стороны исподней бязевой рубахи убитого. Мелко исписанный химическим карандашом листок из школьной тетради в клеточку содержал то ли характеристику, то ли биографию некоего референта Ярого.

Подойдя к забранному толстой решёткой окну, откуда падало больше света, тяжело дышащий Боруля, болезненно потирая левую сторону груди, читал рукописный текст — то ли чью-то биографию, похожую на анкету, то ли эту самую, несладко изложенную анкету от третьего лица, вслух.

«Окончив начальную школу, записался в Станиславскую 1-ую гимназию, потом работал до прихода большевиков. Когда они пришли — бежал за кордон, в Германию, где ходил в их школу. Позднее работал в Кракове, в гестапо. Там и работал до войны

между немцами и большевиками. С приходом немцев во Львов уехал домой, потом в Галич, там работал в книжном магазине при окружном проводе в «безпеке». В 1942 году женится. В 1942 году к нему приезжает домой «Мытор» и читает приговор о снятии его с поста на рядового члена за уклонение от активной работы.

Три месяца он находился без дела, его пост занимает проводник «Яр». Потом он получает приказ от своего шефа ехать в Белую Подлеску на работу на свой пост. Но фронт приближался, и на работу он туда не поехал, оставался ещё два месяца дома. В 42-м году, в марте, получает приказ от своего проводника явиться к нему и находиться у него в боёвке. Потом с боёвкой едет в Карпаты, уничтожает большевистские отряды и военнопленных.

Там был до перехода линии фронта. Потом уходит в Чёрный лес, становится проводником боёвки и одновременно секретарём «Скалы». При большой облаве большевиков на Чёрный лес погиб «Мытор», Ярый отбил от отряда, попал в боёвку «Резуна». Скоро сам стал проводником этой боёвки. Потом находился в Галицком повите, где скрывался в бункере. Переждав приход большевиков, снова приступил к активным действиям...» Дочитав последнее предложение, Боруля тут же кинулся накручивать ручку ящика-телефона, вызывая Станиславское управление государственной безопасности.

К вечеру человек с чекистским удостоверением прибыл, как было условлено, час в час. Почти не задавая вопросов, выяснил все подробности утренней операции. Сам позвонил своему начальству. А затем, аккуратно касаясь трофеев носовым платком, сложил их в небольшой чемоданчик, взял в сопровождение сержанта Балуева и отбыл на поджидавшем его полевом «газике» в сопровождении ещё двух автоматчиков в обратный путь.

**ОПЕРАТИВНЫЕ ДАННЫЕ ПО РОЗЫСКУ
ОСОБО ОПАСНОГО ПРЕСТУПНИКА ЛЯХНО
ЯРОСЛАВА ТРОФИМОВИЧА (ОН ЖЕ — «ЯРЫЙ»,
«ЯРОСЛАВ», «ЧЕРЕМШИНА», «903-й» и др.)**

Уроженец села Семикивцы Жовтневского района Станиславской области Ляхно Ярослав Трофимович из крестьян, гражданин СССР. В данное время находится на нелегальном положении. С 1942 года — участник банды ОУН — УПА. Под организационным псевдонимом «Ярый» занимал положение сотенного. С весны 1943 года Ярый был направлен как руководитель боёвки СБ в бывший Перегинский район для ведения борьбы против советских партизан, разведчиков и местных активистов.

Будучи членом организации украинских националистов, он со своей боёвкой преследовал цель отторжения Украины от СССР и создания так назы-

ваемой свободной Украины с буржуазной формой правления.

С целью конспирации и личной безопасности Ярый вооружён огнестрельным оружием и действует под другими псевдонимами — «Ярослав», «Черемшина», «Беркут», «Тай» и цифровым (903). Задержанных в засадах во время бандитских вылазок советских партизан, бежавших из плена узников, в том числе мирных граждан, а также красноармейцев-парашютистов и местных активистов Ярый допрашивал лично, о чём составлял машинописные протоколы. После допросов большинство задержанных им же физически уничтожалось...

**ГЛАВА 4
ПОД ЧЁРНЫМИ МУНДИРАМИ СС**

Задумываясь над бандеровской политикой, целями и средствами достижения этих целей, поневоле приходишь к выводу, что вся эта изошёренная структура была позаимствована у фашистов «от» и «до». И не просто позаимствована, а жадно прихвачена как наиболее устраивающая форма управления подчинёнными на всех уровнях.

Слепое копирование «образца» начиналось с штатной иерархии. Различия с фашистской Германией среди нижних чинов шли таким образом: беспартийный немец, нацист, штурмовик, эсэсовец. Среди руководителей: блоклейтер, ортсгруппенлейтер, крейслейтер, гаулейтер. Нечто подобное поспешили внедрить у себя и бандеровские главари, едва успев в начале войны ворваться во Львов, чтобы провозгласить там своё «Украинское государство». Кстати, эта спешка не была одобрена штабистами немецких войск и фюрерами СС как слишком уж «самостоятельный» шаг пусть и добровольных, но всё-таки чуждых арийцам по духу «помичныкив» — помощников. Хозяин, он ведь знает, на какую длину можно отпускать поводок, накиннутый даже на послушного пса.

Чины и посты у бандеровцев зависели от степени угодничества и количества осуществлённых кровавых дел. Удивляться профашистской сущности бандеровцев не приходится. Ведь кто как не гитлеровский обер-палач Генрих Гиммлер направлял движение ОУНовцев, этих предателей Украины, сущих выроdkов — головорезов? Гиммлеру подчинялись все формирования жовто-блакитных (жёлто-голубых), он был их высшим персональным фюрером. Ничтожество «фюреров», духовное вырождение, бездонная бесчеловечность привели к гигантским жертвам во Второй мировой войне. Понимала ли, где истоки той жестокости, приведшей к гибели миллионов людей, нынешняя Украина 2020-х годов? Конечно, понимала. Но с остервенен-

лостью нацистов кинулась в драку с подарившей ей пространства Россией. Теперь расплачивается.

Посмотрим же, кто был Гиммлер — тот самый фюрер кучковавшихся под жёлто-голубым флагом «защитников и радетелей свободной Украины»? Грегор Штрассер, у которого, как одного из первых главарей штурмовиков в 1930-е годы, Гиммлер был в услужении в качестве секретаря, так писал своему брату Отто о ближайшем помощнике: «Гиммлер — из семьи ревностных католиков... Профессии никакой, зато есть мотоцикл». Проступающий сарказм совершенно очевиден. Только неизвестно, прочитал ли Гиммлер эту краткую, но исчерпывающую характеристику на себя. Известно иное: в скором времени услужливый секретарь Грегора Штрассера по указу Гитлера распорядится застрелить своего шефа, у которого верноподданнически служил адъютантом.

Тем самым Гиммлер в точности повторит действия обожаемого Адольфа Гитлера, который тогда же, в «Ночь длинных ножей» — 30 июня 1934 года — приказал расстрелять в числе неугодных и пастора Штемпфле, в некотором роде своего учителя, познавшего умственное убожество автора «Майн кампф», редактируя, а точнее, бесконечно правя бессвязную мешанину гитлеровских идей.

Возможно, сын мюнхенского учителя, баварец до мозга костей Генрих Гиммлер и сам привёл бы приговор по отношению к своему вчерашнему шефу Штрассеру в исполнение. Но дело в том, что Гиммлер — идеолог «третьего рейха» и архитектор воображаемой «Великой Германской империи» — отечества чистопородных арийцев, которому стоять тысячу лет и больше, сам лично смотреть на казни не мог. Бывал из политических расчётов, столько, сколько стоял у руля. Но смотреть непосредственно на процедуру убийства не мог. Такая вот слабость и такое извинительное несовершенство.

Бедняге Гиммлеру всю жизнь, начиная с отрочества, всегда в чём-то не везло, чего-то существенного не хватало. Мальчишка как мальчишка, но близорук. Примерный ученик, но имеет плохие отметки по физкультуре. Вырастает в юношу, а попытаться с приятелями пива не может: страдает желудком. А ведь жить в Баварии — и не пить пива... Нет, это далеко не пустяк, это сразу же заставляет окружающих задуматься: кто же перед ними? Подозрительно! Бывшего владельца птицефермы Генриха Гиммлера поначалу в нацистской партии всерьёз не воспринимали. Когда у него было лишь двести человек в отряде, нацистские бонзы могли подшучивать над неудалым баварцем, порой даже называя его «Гиммлер-навоз». Но всему своё время...

Германию всё больше окутывала мгла. Марши, флаги, штандарты, свастика, дикие воззвания, факельные шествия, рёв специально нанимаемых мо-

лодчиков и взывающие к тёмным инстинктам, накаляющие до иступления речи человека с перхотью на голове, воротнике и плечах, с ниспадающей на лоб кривой чёлкой. Человека, который в течение семи лет, с 1925 по 1932 год, жил в Германии без паспорта и германского гражданства — Адольфа Шиккльгрубера. Беззастенчивая, дикая ложь, пропаганда человеконенавистничества под камуфляжем помпезности и грандиозности, всё будет пущено в ход этим самым человеком без паспорта — Гитлером и его сворой.

Его идеологическая банда деловито перевернёт философию Ницше, который не был закоренелым антисемитом и не восхищался пруссачеством, перевернёт Артура Шопенгауэра... И философия нацистов будет обращена не к человеческому разуму, а к звериным инстинктам, мрачному подсознанию. «Ненависть более длительна, чем неприязнь», — заявит в своей книге «Майн кампф» наци № 1. «Наша власть повинна быть жестокою властью!» — «Наша власть должна быть жестокой властью!» — надрылся, кликушествуя, Степан Бандера.

Исходя из гитлеровской логики, в середине двадцатых годов в Германии будет создана мобильная нацистская армия под названием «Шутц Штафель» «Охранные отряды» (СС), обряженные в такую же форму, как у штурмовиков, только чёрного цвета, который приглянулся Гитлеру в отрядах итальянца Муссолини.

«Я знаю, что есть в Германии и такие, кому при виде наших чёрных мундиров делается дурно, мы можем их понять», — сыронизирует Гиммлер.

Некогда Герман Геринг — «наци № 2» — мог откровенно издеваться над Гиммлером, считая его помешанным. Баварец стоически терпел уколы всемогущего командующего германской авиацией «Люфтваффе», перед рейхсминистром не огрызается. Он ждал, верил, надеялся, что взойдёт его звезда. И дождался! Это ему, а не кому-либо другому, фюрер поручил в «Ночь длинных ножей» ликвидацию некогда близких людей. И каких высоких людей!

Например, первооткрывателя Гитлера гомосексуалиста и ближайшего сподвижника фюрера — Рэма. Всемогущего покровителя СА Рэма убили в камере тюрьмы два эсэсовца, после того как он сам отказался застрелиться. Между прочим, тогда же высказывание Гитлера о том, что людей, отсидевших в тюрьме, лучше убивать, Гиммлер примет к исполнению сразу же и навсегда. И никому из попавших в гестаповские тюрьмы даже по ошибке возврата не будет. Практика не должна расходиться с теоретическими воззрениями «наци № 1».

Через двадцать дней после «Ночи длинных ножей» блестяще проявивший себя «Гиммлер-навоз» сделает головокружительную карьеру: станет под-

чиняться лично фюреру. В свою очередь, ему — уже рейхсфюреру СС, члену кабинета, то есть министру, — станет подвластна вся служба безопасности нацистской партии, вся сеть осведомителей и шпионов внутри страны. Ещё через два года Гиммлер — начальник полиции, в его руках сосредоточена вся полицейская власть Германии.

Гиммлер создаст два огромных управления: полицейское, во главе с Далюге, действующее внутри Германии, а с началом войны вобравшее в себя ещё и карателей на фронте; и службу безопасности во главе с Гейдрихом, включающее тайную полицию — гестапо.

В годы войны численность СС — «охранных отрядов» достигнет одного миллиона человек. Сюда войдёт известная дивизия «Мёртвая голова», прославившаяся охраной концентрационных лагерей и карательными акциями крупного масштаба. На службе в полиции будет 140 тысяч человек, в службе безопасности (СД) — около 70 тысяч, в гестапо — 40 тысяч служивых.

На зависть Йозефу Геббельсу — министру пропаганды и народного просвещения, ведающему печатью, радио, литературой, искусством, общественными науками, решающему генеральную задачу — нацифицировать все округа Германии, сбылась мечта «Гиммлера-навоза»: он получил государство в государстве!

Новые питомцы Генриха Гиммлера — бандеровцы — на свои жовто-блакитни стяги тоже поднимут как девиз гитлеровскую идеологию с её ложью и невиданным коварством, бесчестностью и неимоверной хитростью. Слепок сегодняшнего дня со вчерашнего. Многие очень зримо угадываются в малом, чётко характеризуют суть вещей. Вот актёр комического амплуа, криворожский шутник-самоучка Володя Зеленский, странным образом вознёсшийся до президентского трона.

Участь комедианта чётко можно предсказать по судьбе гончара Теренция из фейхтвангеровского романа «Лже-Нерон». Но сегодня он же «с булавой», он гетман, он — вчерашний персонаж третьесортных юмористических фильмов — «ручается» с владыками континентов, вон с кем и вон с кем... Могло ли ему это даже в самых сладких снах присниться?

Недоучка Адольф Гитлер мог без стеснения представлять в анкетах «профессиональный художник» или «писатель». Без всякого преувеличения собственной персоны, он считал себя лучшим архитектором Германии. И кто бы посмел ему противоречить! Под стать фюреру образовывался и «приход». Председатель гитлеровской «Имперской палаты по делам литературы» драматург Йост заявлял: «Когда я слышу слово «культура», мне хочется выхватить револьвер». «Заика от культуры и искусства» —

одно из любимых выражений фюрера. С помощью вот такой, красноречиво говорящей самой за себя, идеологии гитлеровцы пытались изменить саму систему мышления, логику и моральные критерии людей, действуя с дьявольской изощрённостью и приучая к этому своих наймитов и сателлитов. Нет, не просматривается ли подобное в новом веке в стране-соседке со столицей, раскинувшейся над днепровской кручей?

Гиммлер был больше всех соратников фюрера посвящён в его истинные планы. Сатрап доверял сатрапу, надеясь на полное взаимопонимание. Расовая теория, проповедуемая нацистами, сводится не только к абсолютному господству фюрера над всем немецким народом и над каждым немцем в отдельности, а и к покорению остальных народов, рабству одних и безраздельному господству других.

Гитлер не скрывал: «Антисемитизм — самое сильное оружие в моём пропагандистском арсенале». Гиммлер, не раздумывая, претворял слово своего божества в дело, создавая гетто по всем оккупированным областям, обрекая миллионы несчастных людей на ужасную смерть. Верный подручный Гитлера по его прямому указанию перешёл со своим воинством в Европе к физическому уничтожению целых народов и этнических групп. В этом людоедстве, форменном канибализме Гиммлер в свою очередь нашёл полную поддержку в среде таких же хищников, националистов-бандеровцев. Жертв своих палачи никогда не жалели, проявления какого-то там гуманизма были им совершенно чужды. Они жалели... себя. Жаловались, что им выпадает непосильная тяжесть при проведении карательных акций. А жертвы? Что жертвы! Гиммлер совершенно определённо интерпретировал идеи фюрера на свой лад: «Русские — это рабочий скот, у которого нет никакой культуры». Ясно, доходчиво, что называется, по-гитлеровски!

Фюрер, нагло не считавшийся ни с какими пактами и мирными договорами, мог позволить себе пофилософствовать, заявляя: «Когда начинаешь войну с Советским Союзом, кажется, что открываешь дверь в тёмную, неизвестную комнату, не зная, что там, за дверью». Рейхсфюрер СС Гиммлер в своей берлинской резиденции на Принц-Альбрехтштрассе, размещавшейся по соседству с министерством иностранных дел («Канторой Риббентропа»), не философствовал, а действовал.

Полновластный шеф слал конкретные указания своим подчинённым. Начальнику имперского управления безопасности СС, своему верному помощнику обергруппенфюреру СС Эрнсту Кальтенбруннеру: «На Урал нужно забросить диверсантов, чтобы они распространяли там инфекционные заболевания и срывали поставки боеприпасов, про-

довольствия, вооружения». Следом пунктуальный Гиммлер приводит длинный список рекомендуемых заболеваний. Позже с такой же хладнокровностью Гиммлер отдаст своё распоряжение о Варшаве, красавице-столице: «Каждый дом взорвать, каждый дом сжечь дотла». Читают ли документы истории в сегодняшнем польском сейме?

Таков был стиль главного полицейского дьявола, сущей гитлеровской сатаны! Двоеженец, живший на две семьи, махровый фарисей-желудочник, не потреблявший в соответствии с уставом СС ничего крепче лимонада (даже шампанское), Генрих Гиммлер, весь путь которого — чудовищная ложь, измена, трупы, будет клясться Гитлеру: «Унзере Эре хайст Фройе!», «Наша честь — это верность!» И фюрер до последних дней жизни будет верить своему любимцу, так обожжаемому «Верному Генриху». Именно ДО последних дней жизни...

А 29 апреля 1945 года, в преддверии крысиной кончины, Гитлер будет заклинать Грейма (наместника министра авиации Германа Геринга) накануне его отлёта из Берлина, чтобы тот разыскал и захватил Гиммлера, отдал его под полевой суд и расстрелял.

Гитлер в написанном им за день до смерти завещании предаст анафеме главного нацистского палача, практика всех кровавых репрессий и министра внутренних дел: «Накануне моей смерти я изгоняю из партии бывшего рейхсфюрера СС и имперского министра внутренних дел Генриха Гиммлера и лишаю его всех постов...» Вот такая расплата за переговоры крысы о сепаратном мире с американцами, про которые узнала разведка и доложила фюреру.

Но Гиммлер не попадёт ни под полевой суд, ни под суд сотворённого им же гестапо. Избежит он и праведного суда над главными нацистскими военными преступниками в Нюрнберге, который начнётся 20 ноября 1945 года. «Наци № 3», которому в зачёт многочисленных злодеяний относится и прямое руководство бандеровскими зондеркомандами, главарь формирований СС, публично осуждавший самоубийство эсэсовцев, сам примет яд, когда вконец убедится, что созданное на крови и костях здание третьего рейха рухнуло и его уже не восстановить.

Самоубийство — это было, пожалуй, единственное, в чём баварскому зверю-недотёпе повезло, иначе плакала бы по нему намыленная веревка в руках американского сержанта Джона Вуда, верёвка — верная исполнительница Нюрнбергского трибунала!

Продолжение следует

Валерий Семёнович АРШАНСКИЙ

родился в 1945 году в городе Магнитогорске
Челябинской области.

Окончил факультет журналистики
Воронежского государственного университета,
работал корреспондентом, главным редактором,
возглавлял Издательские дома в Мичуринске и Тамбове.

Член союзов писателей и журналистов РФ,
автор 21 книги художественной и документальной прозы,
лауреат премии Союза журналистов РФ
и ряда престижных литературных премий.

Публиковался в «Роман-газете», журналах «Великороссы»,
«Наша молодёжь» (Москва), «Волга-XXI век», «Подъём»,
«Страстной бульвар, 10», «Александръ» и др.

Заслуженный работник культуры РФ,
почётный гражданин Тамбовской области.

Живёт в Мичуринске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

